

Карстен Гёрке

НАТАЛИЯ ЛЕБИНА: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ БАНАЛЬНОСТЕЙ.
СОВЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: КОНТУРЫ, СИМВОЛЫ, ЗНАКИ.
СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2006. 441 С.

Сначала может показаться, что озаглавленная таким образом книга посвящена периферийным сюжетам, являясь реестром малозначимых, с точки зрения историка, мелочей. Однако ее название не должно вводить читателя в заблуждение. Книга и впрямь предстает как коллекция самых разных вещей и слов. Но их ни в коем случае не следует считать второстепенными и несущественными, ибо они определяли саму суть повседневной жизни на протяжении всей советской эпохи или какого-либо временного периода. Банальными они были в том смысле, что едва ли осознавались современниками. Наталья Борисовна Лебина — известная в научном мире как автор и соавтор множества работ по истории советской повседневности — широко раскидывает сети, чтобы уловить как можно больше аспектов советских будней. Тут и материальное измерение (жилье, одежда, мода, предметы обихода и средства передвижения), и церемониальные аспекты, такие как брак, похороны, социалистические праздники, досуг. В круг интересов автора входят как обыденные речевые обороты, так и все то, что связано с социально дискриминируемыми или же маргинальными группами вроде беспризорников, лишенцев, проституток, хулиганов, хиппи и стилаг, и, наконец, значимые для повседневной жизни политические решения и общественные структуры, такие как государственная алкогольная монополия, запрет на аборт, денежные реформы, продуктовые карточки и пайки.

Как рецензенту, для которого русский язык не родной, писать об энциклопедии, организованной не по систематическому принципу, а в алфавитном порядке? Проще всего мысленно сгруппировать статьи, выделив системообразующие аспекты, и таким образом попытаться сделать выводы о научной ценности книги. Выбранный автором подзаголовок «Советская повседневность: контуры, символы, знаки» может быть использован как своего рода ориентир. Однако не всегда удается без труда распределить анализируемые лексемы по указанным ячейкам. Собственно говоря, материальная суть советской повседневности не поддается такой классификации. Поэтому «лебинологической» герменевтике я предпочту собственную схему упорядочивания.

Сразу же бросается в глаза, что употребление многих оборотов и понятий, порожденных конкретными этапами советской внутренней или культурной политики либо обусловленных конкретными обстоятельствами, было весьма недолговременным. Когда обстоятельства менялись, слова-однодневки чаще всего исчезали, их значение оставалось известным лишь соответствующему поколению. Они были бы обречены на выпадение из истории, не будь они зафиксированы в лебинской энциклопедии.

Среди речевых оборотов особенно интересными являются многочисленные неологизмы. С точки зрения истории культуры, любопытны два наблюдения. Современники с легкостью оперировали как широко распространенными в русском языке сокращениями вроде «загс» и «жакт», так и не менее популярными аббревиатурами из первых частей слов (нарпит, общепит, питьбар), обозначая специфические подмиры повседневной жизни соответствующих эпох. Обращают внимание и многочисленные новообразования западного происхождения. Характерно, что начиная с 1920-х годов они получили особенно широкое распространение в сфере моды: от «берета», «кепки» и «блейзера» до «бикини» и «джинсов». Однако после Второй

мировой войны в обиход вошли и слова, связанные с западным стилем жизни: «автостоп», «коктейль», «дискотека», «хулахуп». Это показывает, что ни в 1920-е годы, ни в послевоенное время Советский Союз не был герметично закрыт от Запада. И модельеры, и молодежь с любопытством ждали новинок из капиталистического мира. Иногда Советскому Союзу даже удавалось реэкспортировать западные заимствования в «дружественное зарубежье», о чем свидетельствует, например, привнесенное из Англии слово «бройлер», которое, судя по всему, из СССР попало в ГДР, где, в отличие от Западной Германии, вошло в обиход.

Неологизмы отражают изменения в стиле жизни и ценностных установках. Такие слова, как «интим» и «секс», стали широко употребимы лишь в 1960-е годы, что связано с улучшением жилищных условий и возможностью очертить индивидуальное интимное пространство.

Новообразования становились богатым поприщем для народного словотворчества: в качестве типичных примеров можно упомянуть «забегаловку», «авоську», шляпку-«менингитку» а-ля Одри Хэпберн, подошву-«платформу» или полусапожки «прощай, молодость». Выражение «безалкогольная свадьба» в российских условиях может быть только ироничным, свидетельствуя о народной любви к двусмысленности.

Характерны для советского контекста и многочисленные выражения, связанные с дефицитом или жилищно-коммунальным хозяйством. Распределительные практики централизованного экономического планирования также сильно влияли на повседневную речь («талоны», «карточки», «торгсин», «распределитель», «дом быта», «домовая кухня»).

Говоря о жизненных сферах, речевых оборотах и обозначениях, существовавших на протяжении всего советского периода, Лебина всегда показывает, как со временем менялось их значение. Унаследованный от царского периода «буржуазный» шейный платок под названием «галстук» стал частью пионерской формы и только в позднесоветское время заново приобрел свое старое значение. Считавшаяся неприличной пижама в сталинскую эпоху стала парадной одеждой курортников. Неотъемлемо присутствовавших в купеческих и дворянских домах служанок продолжали эксплуатировать и в советских номенклатурных семьях, стыдливо называя их по-пролетарски «домработницами».

Понятно, что Лебина не в состоянии включить все аспекты советского быта в свой паноптикум. Однако ей удалось нарисовать многообразную мозаику повседневной культуры, снабдив ее необходимой исторической глубиной. В этом смысле «Энциклопедия банальностей», результат гигантского коллекционерского труда, на самом деле является просопографией к истории советской культуры. Остается только с благодарностью поздравить автора с таким достижением.

Авторизованный перевод с немецкого языка Михаила Габовича